

Анхимюк О. Средства выражения дуализма в проповеди «Слово на Новый годъ. Въ чемъ счастье челоуѣка и гдѣ его найти?» / О. Анхимюк, Р. Шимуля // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 9—29. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-9-29.

Anchimiuk, O., Szymula, R. (2021). Means of Expressing Dualism in Sermon “Slovo na Novyy God. V Chem Schastye Cheloveka, i Gde Ego Nayti?” [Word for New Year. What is Human Happiness, and Where to Find it?]. *Nauchnyi dialog*, 12: 9-29. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-9-29. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-9-29

**Средства выражения
дуализма в проповеди
«Слово на Новый годъ.
Въ чемъ счастье челоуѣка
и гдѣ его найти?»**

Анхимюк Ольга

orcid.org/0000-0003-2421-5148

кандидат филологических наук,

адъюнкт кафедры

восточнославянского языкознания и

региональной ономастики

o.anchimiuk@uwb.edu.pl

Шимуля Роберт

orcid.org/0000-0002-4879-4554

кандидат филологических наук,

адъюнкт кафедры

восточнославянского языкознания и

региональной ономастики

r.szymula@uwb.edu.pl

Университет в Белостоке
(Белосток, Республика Польша)

**Means of Expressing Dualism
in Sermon “Slovo na Novyy
God. V Chem Schastye
Cheloveka, i Gde Ego Nayti?”
[Word for New Year. What
is Human Happiness, and
Where to Find it?]**

Olga Anchimiuk

orcid.org/0000-0003-2421-5148

PhD (Faculty of Philology),

Adjunct of the Department of East Slavic

Linguistics and Regional Onomastics

o.anchimiuk@uwb.edu.pl

Robert Szymula

orcid.org/0000-0002-4879-4554

PhD (Faculty of Philology),

Adjunct of the Department of East Slavic

Linguistics and Regional Onomastics

r.szymula@uwb.edu.pl

University of Bialystok
(Bialystok, Republic of Poland)

© Анхимюк О., Шимуля Р., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Объект изучения — известная проповедь архиепископа Анастасия (Добрадина) «*Слово на Новый годъ. Въ чемъ счастье челоуѣка и гдѣ его найти?*», посвященная вопросу двойственного понимания счастья (философского, то есть светского, и религиозного). *Уделяется внимание* средствам вербализации понятия счастья в исследуемом тексте. Подчеркивается, что исследуемый текст является уникальным примером жанра «слово», его выделяет нетипичное для данного рода произведений обращение к светскому элементу. Проведен анализ этимологии и развития семантики существительного *счастье*. Изучена его лексическая сочетаемость в тексте проповеди. Выявлены полные и краткие формы прилагательных, выступающих атрибутами при анализируемом существительном. Проанализированы функции этих форм: они служат для выражения положительной и отрицательной оценки. Доказано, что в исследуемом «Слове» проповедник относит понятие «счастье» не только к высокому, но и к низкому регистру, что связано с рассмотренными им двумя концепциями счастья, между лексическими репрезентантами которых он вводит разграничение также на графическом уровне (счастье, счастье). Особое внимание уделяется самому частотному в проповеди атрибуту *истинный*, имеющему общую с существительным *счастье* сему *Бог*. Подчеркивается, что обычно эпитаф содержит основной смысл проповеди, однако эпитаф к «Слову ...» не включает лексему *счастье* в связи с тем, что вся проповедь посвящена переосмыслению этого понятия.

Ключевые слова:

религиозный дискурс; проповедь; счастье; коннотация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The present study examines Archbishop Anastasy (Dobradin)'s famous sermon «*Слово на Новый годъ. Въ чемъ счастье челоуѣка и гдѣ его найти?*», dealing with the question of the dual understanding of “happiness” (philosophical, i.e. secular, and religious). Attention is paid to the means of verbalising the concept of happiness in the text under study. The text under analysis is a unique example of the homily, distinguished by its atypical for this genre appeal to a secular element, associated with the preacher’s dual understanding of “happiness”. The article presents the results of the analysis of etymology and development of semantics of the noun *счастье*. Its lexical compatibility in the text of a sermon is investigated. Full and short forms of adjectives, which serve to express positive and negative connotations, are identified. It has been proved that in the studied homily the preacher attributes the concept of “happiness” not only to the high register but also to the low register, which is related to the two concepts of “happiness” considered by him, reflected also on the graphic level (счастье, счастье). Particular attention is paid to the most frequent attribute in the sermon, *истинный*, which has in common with the noun *счастье* the seme *God*. The epigraph of the homily, which usually presents the main point of the sermon, does not include the lexeme *счастье* because the entire sermon is devoted to redefining this concept.

Key words:

religious discourse; sermon; happiness; connotation.

УДК 811.161.1'42:17.023.34+82-522

Средства выражения дуализма в проповеди «Слово на Новый год. Вь чьемь счастьее челоуѣка и гдѣ его найти?»

© Анхимюк О., Шимуля Р., 2021

1. Введение

Религия, являясь формой общественного сознания, играет важную роль в жизни человечества. С момента возникновения общества религия сопровождает все этапы его развития, формируясь и эволюционируя вместе с ним. Она ищет ответы на важнейшие вопросы бытия, которые обращены к логике, душе, разуму, воображению, интуиции, чувствам, желаниям и совести человека. Религии, в основе которых лежит Библия, — «это диалогические религии, в которых человек отвечает на призыв Бога, а религиозная связь основана на межличностном общении» [Kłoczowski, 1995, с. 10] (здесь и далее перевод выполнил Р. Шимуля). Коммуникативная практика, связанная с религией, — это один из самых древних типов общения членов общества. За века своего существования религиозная коммуникация сформировалась в полной мере и не раз становилась предметом научного изучения представителей разных дисциплин и направлений.

Изучению религиозного дискурса и религиозного стиля, языка религии посвящены работы И. Баеровой [Баерова, 1994], Е. В. Бобыревой [Бобырева, 2007; Бобырева, 2008], М. Вальчак-Миколайчаковой [Walczak-Mikołajczakowa, 2000], М. Войтак [Войтак, 2003; Wojtak, 2015], А. К. Гадомского [Гадомский, 2018], Т. В. Ицкович [Ицкович, 2015], М. Макуховской [Makuchowska, 2011], Н. Б. Мечковской [Мечковская, 1998], О. А. Прохватиловой [Прохватилова, 1999] и др.

Религиозный дискурс неоднороден и может включать интерферирующие компоненты Откровения, различных культовых дискурсов, катехизического, нормативного и научного [Wojtak, 2015, с. 59]. В связи с этим соответствующий термин не имеет общепризнанной, всеми принятой дефиниции. Принимая во внимание тему нашей статьи, остановимся на следующем определении религиозного дискурса — «набор определенных действий, ориентированных на приобщение человека к вере, совокупность речеактовых комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов» [Бобырева, 2008, с. 162]. Для религиозного дискурса характерен единый хронотоп (общение преимущественно происходит в храме, в определенное время) [Карасик, 2002, с. 223; Wojtak, 2015, 58]; к числу его участников от-

носится Бог [Карасик, 2002, с. 221; Wojtak, 1998, с. 309—31; Zdybicka, 1984, с. 155]. Исходя из особенностей порождения и функционирования религиозного дискурса выделяются первичные (*псалмы, притча, молитва*) и вторичные речевые жанры (*исповедь и проповедь*) [Бобырева, 2008, с. 166—167].

2. Проповедь и слово

В христианстве проповедью называют наставительную речь, которую священник произносит в храме после литургии. Ее задачей является сообщение и разъяснение различных положений христианского вероучения [Иванов, 2003, с. 515]. С лингвистической точки зрения проповедь представляет собой речевой акт, в котором принято выделять коммуникантов, коммуникативное намерение и цель, канал связи, характер сообщения [Бобырева, 2007, с. 278]. Главной особенностью проповеди является ее тематическое двуединство: в ней присутствует реальное событие и духовная тема, связанная с реализацией христианского вероучения [Ицкович, 2015, с. 43]. Такая структура обусловлена отражением бинарного мира, представляющего собой связь духовного и материального, божественного и человеческого, души и тела, греха и добродетели, жизни и смерти, вечности и временности [Лихачев, 1979, с. 135].

Существует несколько форм проповеди: беседа, речь, поучение, слово. Слово — это синтетико-тематическая форма проповеди. В жанре слова исследуется и раскрывается одна тема, посвященная предметам религиозно-нравственного содержания, извлекаемым из Священного Писания, богослужебных текстов или идеи церковного праздника. Его отличительными признаками являются: внутреннее единство содержания, строгая логичность в развитии мысли, богатство языка и художественность речи [Игумен Тарасий (Ланге), 2013, с. 47—48]. Слово состоит из вступления, изложения, нравственного приложения и заключения. Эпиграф, предпосланный слову, «обычно содержит указание на рассматриваемый предмет, который составляет главное начало для мыслей и суждений проповедника» [Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий (Бильченко), 1999, с. 74]. Слово является самой совершенной формой церковной проповеди.

В своем исследовании мы обратились к проповеди Анастасия (Добрадина) «*Слово на Новый годъ. Въ чемъ счастье челоуѣка и годъ его найти?*» [Анастасий (Добрадин)]. Проповедь была произнесена в 1864 году и является сегодня самой известной проповедью архиепископа Воронежского и Задонского Преосвященного Анастасия (Добрадина) (1828—1913). Исследование проведено в рамках когнитивно-функционально-стилистического подхода и имеет целью осмысление специфики языковой, стилистической и риторической реализации понятия «счастье» в данной проповеди. Для этого

был проведен анализ этимологии и развития семантики номинаций, служащих основным средством его вербализации, изучение лексической сочетаемости существительного *счастье*, языковых средств, фиксирующих его положительные и отрицательные коннотации. Для реализации поставленных задач использованы элементы лексико-семантического метода, семантико-стилистического, сравнительно-исторического и этимологического методов, метода лингвистического и концептуального анализа.

3. Тема исследуемой проповеди

Новый год не являлся церковным праздником, поэтому, как правило, проповеди, произнесенные в этот день, имели нравственное содержание. Приведем примеры некоторых новогодних проповедей: «*Слово на новый год (Размышление о времени и временном ...)*», «*Слово на новый год (Что такое обновление?..)*» Святителя Феофана Затворника; «*Слово на новый год. (О покаянии)*» Святителя Тихона Задонского; «**Слово первое на новый год. Об истинной уверенности (произнесено в 1994 году)**» нашего современника Митрополита Владимира (Икима).

Иначе звучит само название анализируемой проповеди «Слово на Новый год. В чем счастье человека и где его найти?». Такое начало нетипично для проповеди, так как оно отсылает к устойчивому благопожеланию С Новым годом, с новым счастьем, имеющему светский характер. Его использование в данном жанре может объясняться тем, что автор хотел привлечь внимание адресатов. Одновременно оно соответствует структуре текста (переход от светского к религиозному). Само обращение к теме счастья свойственно жанру христианской проповеди. Уже в «Нагорной проповеди», являющейся первой христианской проповедью, включенной в Евангелие, приводятся заповеди блаженства (в православном дискурсе блаженство и счастье являются семантическими дублетами).

Одним из важнейших приемов в проповеди является повтор, в связи с тем что «искусно примененное повторение способствует более глубокому внедрению высказываемых мыслей в сознание слушателя» [Игумен Тарасий (Ланге), 2013, с. 77]. Этот же прием был обнаружен и в другой проповеди архиепископа Анастасия Добрадина «*Слово в день рожденья Его Императорского Величества, Благодетельнейшего Государя Императора, Александра Николаевича, 17 Апреля 1863 г. Молитва о царе есть лучшая дань верноподданических чувств царю*», где мы встречаем 38 лексем с корнем -благ-. Принимая во внимание факт, что главной темой исследуемой проповеди является понятие «счастье» и его содержание, самой частотной в этой проповеди является лексема счастье (ее формы и дериваты представлены 52 раза на 1765 слов).

4. Трактовка категории «счастье» с позиций разных дисциплин и дискурсов

Аналізу поняття «счастье» посвящены работы многих исследователей. Оно было предметом изучения с позиций лингвокультурологического, когнитивно-семантического, психолингвистического, концептуального, философского, теологического и культурологического подходов в трудах А. Вежбицкой [Wierzbicka, 1999], С. Г. Воркачева [Воркачев, 2004], А. А. Зализняк [Зализняк, 2005; Зализняк, 2006], В. Кавецкого [Kawecski, 2018], В. В. Колесова [Колесов, 2006; Колесов, 2014], А. Корчака [Korczak, 2018], В. Татаркевича [Татаркевич, 1981; Tatarkiewicz, 2008] и др. Однако специфика материала вновь требует обращения к данной тематике.

4.1. Интерпретации понятия «счастье» в философии

В философском научном дискурсе под *счастьем* понимается «высшее благо как завершенное, самоценное, самодостаточное состояние жизни; общепризнанная конечная субъективная цель деятельности человека» [Гусейнов, 2010, с. 686—688]. Общие представления о счастье определил В. Татаркевич в четырех основных значениях: '*благосклонность судьбы, удача*'; '*состояние интенсивной радости*'; '*обладание наивысшими благами*' и '*чувство удовлетворения жизнью*' [Татаркевич, 1981]. Однако, по мнению исследователя, ни одно из определений полностью не раскрывает смысл понятия «счастье». «Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии» приводит следующую дефиницию: «Счастье — есть цель, к которой всё стремятся; но так как вкусы и стремления у людей различны и индивидуальны, то и С. каждый понимает по-своему; но для всех сознание С. заключается в чувстве удовлетворенности, испытываемом человеком, жизнь которого складывается согласно его стремлениям и желаниям» [ФС, 1911, с. 249].

Согласно данным словарей, понятие, стоящее за словом *счастье*, не претерпело существенных изменений за столетие. Как видно из приведенных дефиниций, толкование, предложенное в «Философском словаре ...», очень близко к современной трактовке этого понятия.

4.2. Лингвистическое изучение представлений о счастье

Лингвистика уделяет внимание представлениям о счастье, отраженным в языковых единицах и текстах. Как отмечает С. Г. Воркачев, «понятие счастья, наряду с понятиями блага, смысла жизни, смерти, желания и любви, покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания» [Воркачев, 2012, с. 95—96]. В лингвистике для уточнения содержания этого понятия и концепта проводятся сопоставительные исследования: счастье рассматривается во взаимоотношениях с другими категориями: со смыслом жизни: «<...> находится где-то рядом со “смыслом

жизни” и другими фундаментальными и непостижимыми категориями бытия» [Зализняк, 2005, с. 169]; с Судьбой: «Судьба и Счастье — одно и то же, но только Счастье — это удавшаяся Судьба» [Колесов, 2014, с. 689]; с чудом: «Счастье сродни чуду, но это и есть чудо, то есть нарушение порядка, естественного хода событий» [Колесов, 2014, с. 692]; со случайной удачей (авось): «<...> рассчитывать на счастье в традиционной русской картине мира близко к тому, чтобы надеяться на авось, и подобно расчёту на авось может оцениваться невысоко» [Шмелев, 2005, с. 459]; с радостью и наслаждением [Зализняк, 2005, с. 161]. Как видно из вышесказанного, СЧАСТЬЕ является очень сложным, неоднозначным эмоциональным и этическим концептом. В религиозном дискурсе слово *счастье* соотносится с другими категориями.

4.3. Понятие счастья в религии

В христианстве принято иное толкование *счастья*. В православном дискурсе вместо лексемы *счастье* используется семантический дублет блаженство. В «Православной Энциклопедии под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла» *блаженство* определяется как «**состояние совершенной духовной радости пребывающего в Божественной любви человека, достигнутое благодаря единению с Богом, обожению**» [ПЭ]. В «Католической энциклопедии» дефиниция *счастья* содержит в своем составе элементы, присутствующие в приведенном выше толковании слова *блаженство*: «В богословии счастье — это естественное желание человека, заложенное в его сердце Богом <...>, только Он может удовлетворить его как личное благо; <...> земная действительность также является преходящей, поэтому она не может сделать человека постоянно счастливым; блага → Царства Божьего, напротив, вечны и должны быть принципом человеческих желаний; нетленное с. возможно только в вечности, когда человек окончательно соединится с Богом» [Pokrywka, 2013, с. 8].

5. Лексема *счастье* в лексикографических источниках

Основным способом вербализации понятия «*счастье*» в исследуемой проповеди является использование существительного *счастье*. М. Ф. Мурьянов отмечает полное отсутствие данного существительного и его производных в языке Древней Руси. По мнению исследователя, для обозначения этого понятия в то время использовалась лексема *блаженство*. Анализируя данные картотеки Института русского языка им. В. В. Виноградова, Мурьянов замечает, что в рукописи XI века «Пандекты Антиоха» лексема *съчастъникъ* является эквивалентом греческого *symmetochos* (сопричастник), а в XVI веке писатель и богослов М. Грек понимал *счастье* как встречу, случай, судьбу [Мурьянов, 1999, с. 95, 97, 99]. Однако в словаре И. И. Срезневского представлены слова *съчастие* ‘счастье, удача’ (с при-

мерами из летописей), съчастливыи ‘благополучный’, а также съчастникъ ‘участник, сопричастник’ [Срезневский, т. 3, стр. 864]. В словаре XI—XVII веков слово *съчастіе* трактуется как ‘счастье, удача’; ‘благоденствие’; ‘участие, помощь’ [СРЯ XI—XVII, т. 29, с. 109]. Автор «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль соотносит *счастье* с лексемами *рок, судьба, часть, участь, доля*, а значения определяет как ‘случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успѣх, спорина в дѣлѣ, не по разсчету’; ‘благоденствіе, благополучіе, земное блаженство, желанная насущная жизнь, безъ горя, смуть, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоить и доводить человѣка, по убѣжденьямъ, вкусамъ и привычкамъ его’ [Даль, 1882, т. 4, с. 381]. Другими словами, в первичном значении *счастье* обозначало независимое от усилий человека благоприятное случайное стечение обстоятельств, а во вторичном — состояние удовлетворенности жизнью, чувство довольства и радости. А. А. Зализняк замечает, что в современном русском языке существительное *счастье* имеет два основных значения: ‘удачное стечение обстоятельств, везение’, ‘высшее удовлетворение, земное блаженство’, причем оба они могут быть отчетливо противопоставлены, но могут и выражаться синкретично. Исследователь утверждает, что общая тенденция семантической эволюции состоит в сужении сферы употребления данной лексемы в значении ‘удача, везение’ и в расширении сферы употребления этого слова в значении ‘благоденствие, земное блаженство’, то есть в продолжающемся движении от первого значения ко второму значению [Зализняк, 2006, с. 262].

6. Понятие «счастье» в проповеди Анастасия (Добрадина) «Слово на Новый годъ. Въ чемъ счастье чловѣка и гдѣ его найти?»

6.1. Счастье как универсальное понятие

В исследуемой проповеди подчеркивается, что счастье, являющееся целью человеческой жизни, — это универсальное для всего человечества понятие, которому подчинена жизнь и деятельность всех людей:

(1) *Счастіе есть существенная потребность каждаго чловѣка; счастье есть цѣль, къ которой стремятся и народы.*

(2) *Посмотрите: изъ всѣхъ дѣйствій чловѣческой предприимчивости, какія не имѣютъ въ виду этой цѣли?*

Стремление к счастью является естественным элементом человеческой природы:

(3) *<...> оно существуетъ дѣйствительно и стремленіе къ нему также свойственно нашей природѣ, какъ живому, существу свойственно произвольное движеніе и чувствованіе: чловѣкъ и сотворенъ для счастья, — ему суждено стремленіе къ счастію.*

Достижение поставленной цели является реальным:

(4) *Не есть ли это тьня, которая бѣжитъ отъ насъ по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ ней? Не призракъ ли это, который чаруетъ наше воображеніе, пока служитъ предметомъ представленія, и разочаровываетъ, когда мы повидимому овладѣваемъ имъ? — Нѣтъ, слушатели, счастье — не призракъ.*

6.2. Светское и религиозное счастье

В проповеди представлены две противоположные концепции, которые можно назвать «светским счастьем» и «религиозным счастьем». Данные понятия разводятся и на графическом уровне: в тексте используется написание лексемы счастье для истинного небесного счастья и вариант счастье для **земного счастья**. Определяя светское счастье, автор обращает также внимание на людей, находящихся в его поиске, которых называет *искателями счастья*. Хотя словарная дефиниция лексемы *искатель* (*искатель* — ‘кто ищетъ что либо’ [Даль, 1882, т. 2, с. 47]) не несет какой-либо негативной эмоциональной оценки, но в сочетании *искатели счастья* в данной проповеди (как и в литературе XIX века) приобретает отрицательную коннотацию (по аналогии *искатель приключений* — авантюрист):

(5) *Среди них были богатые купцы и ничего не имевшие шарлатаны и искатели счастья и приключений, молодые и старые* (Волконский М. Н. Два мага, 1902);

(6) *Итак, на ходатайство выезжают канцелярские чиновники, помощники адвокатов и всякого рода искатели счастья, потому что это самое легкое и прибыльное ремесло, которого главное основание во лжи и обмане верителей* (Булгарин Ф. В. Иван Иванович Выжигин, 1829) [НКРЯ].

6.2.1. Религиозное понимание счастья

В тексте подчеркивается, что единственно правильным является счастье, соответствующее принципам православной веры:

(7) *<...> его настоящая жизнь, его дѣйствительное спокойствіе, его полная радость и слѣдовательно, истинное счастье — въ общеніи съ Богомъ, въ живомъ союзѣ съ Источникомъ жизни и радости, съ Виновникомъ неизмѣннаго счастья, вѣчнаго блаженства.*

Автор аргументирует свою точку зрения тем, что, если целью человеческой жизни на Земле является будущая вечная жизнь в раю (потребность бессмертной души), человек не в состоянии быть счастливым, удовлетворяя нужды тела (тело — временное прибежище души):

(8) *Это одно, къ чему стремится наше сердце и чѣмъ дѣйствительно можетъ быть успокоено оно или осчастливлено, — не можетъ быть временнымъ, преходящимъ; потому что духъ нашъ есть существо безсмертное и, значитъ, никогда не удовлетворится временнымъ.*

(9) *Таким образом дух человека не удовлетворяется временным, земным.*

6.2.2. Светское понимание счастья

Религиозная концепция счастья противопоставляется в проповеди его светскому пониманию, близкому к его толкованию в философии. В данном случае дается множество дефиниций этого понятия, так как светское счастье, по мнению автора, — понятие неопределенное, зависимое от многих факторов и личных предпочтений:

(10) *Если бы у искателей счастья спросить, в чем они полагают счастье то какое разнообразие ответов получилось бы на предложенный вопрос! <...> развивший в себя животные инстинкты нашел бы счастье в удовлетворении грубых желаний и склонностей; любитель денег скажет бы, что счастье заключается в обладании сокровищами; охотник до светских удовольствий почел бы счастьем наслаждение удовольствиями, которые представляются ему на общественных гуляньях, на вечерах, балах, в театре, в собраниях; пристрастные к модам <...> признались, что счастье состоит в том, чтобы прежде других одеться в то или другое модное платье; <...>; таким образом каждый, как видите, стал бы полагать счастье в том, что ему нравится.*

Отсутствие универсальной дефиниции является, по мнению архиепископа, серьезным недостатком светской концепции этого понятия — счастье должно быть точно определенным и универсальным, так как истина (смысл человеческой жизни) также единственная и точно определенная:

(11) *Но согласитесь, что истинное и постоянное счастье должно заключаться в чем-нибудь одном, подобно тому, как неизменная, вечно-пребывающая истина едина.*

Счастье в представленном в проповеди светском понимании относится автором к низкому регистру. Оно соответствует гедонической концепции (концепции наслаждения), помещающей источник счастья вне субъекта, являющейся аналогом однофакторной модели, ориентированной на объект фелицитарной¹ оценки. Согласно этой концепции, счастье — это сумма временных наслаждений, приносящих радость и другие положительные эмоции. Понятие счастья в таком понимании близко к понятию удовольствия [Воркачев, 2004, с. 70]. По мнению Зализняк, удовольствие относится к низкому регистру, низкому миру [Зализняк, 2006, с. 257]. А. Б. Пеньковский утверждает, что удовольствие не является чувством, это только положительная чувственная реакция. Оно является атрибутом тела, а не души, оно сиюминутно, «не более чем иллюзия и химера» [Пеньковский, 1991, с. 149—150, 153].

1 Фелицитарный — относящийся к счастью.

Счастье в таком — светском — понимании соотносится с несчастьем (горем, страданием, утратами). В тексте анализируемой проповеди также находим обращение к антонимической паре «счастье — несчастье»:

(12) <...> *все это не съ тою ли цѣлію совершается, чтобы человекъ какъ можно меньше чувствовалъ горечь жизни и возможно больше наслаждался ея благами?*

Однозначно отрицательная оценка светской концепции счастья подчеркивается на лексическом уровне. В контекстах, связанных с его таким пониманием, используются лексические единицы с отрицательной эмоциональной окраской, такие как: *недостойнство, бесплодные поиски, слепота, ложный путь, путь греха и неразлучных с ним несчастий, блуждать, заблуждения*:

(13) <...> *но вы свернули съ настоящаго пути на ложный — путь грѣха и неразлучныхъ съ нимъ несчастій.*

(14) *Разъ нарушили они волю Божію и тѣмъ удалили себя отъ Бога, лишились жизни и славы Божіей (Рим. 3, 23) и стали съ того времени блуждать внѣ пути къ истинному счастью; ходя по распутіямъ заблужденій, они искали счастья не тамъ, гдѣ бы слѣдовало.*

6.3. Сочетаемость лексемы счастье в тексте проповеди

Охарактеризуем сочетаемость имени существительного *счастье* с глаголами. В анализируемом тексте данная лексема не сочетается с глаголами, выражающими чувства, ощущения или переживания (*чувствовать, ощущать, испытывать*) [СССРЯ, 2002, с. 683—684], образует словосочетания только с глаголами поиска объекта (*искать / найти*), обозначающими активное действие (на что указывают их словарные дефиниции — ‘*ыскивать, отыскивать, стараться найти, добиваться чего или промышлять то, чего нѣтъ*’ [Даль, 1882, т. 2, с. 46]:

(15) *Но многіе ли дѣйствительно стремятся къ Богу и ищутъ въ Немъ своего счастья?*

(16) *Такъ, развившій въ себѣ животныя инстинкты нашель бы счастье.*

Активная роль человека по отношению к счастью выражена также сочетаемостью существительного *счастье* с лексемами *стремление, поиски* и производными от глагола *искать* лексемами *ищущий* и *искатель*:

(17) Законно ли самое **стремление** его **къ счастью**?

(18) Онъ ко всѣмъ, измученнымъ бесплодными **поисками за счастьемъ!**

(19) Что ми есть на небеси? Спрашиваетъ **ищущій счастья** въ Богѣ.

(20) Если бы у **искателей счастья** спросить <...>

Как утверждает Зализняк, самый характерный тип употребления слова *счастье* в русском языке — это формулировка, в чем оно состоит

[Зализняк, 2006, с. 265]. Текст анализируемой проповеди это подтверждает. Этот субстантив чаще всего сочетается с синонимичными глаголами бытия-существования *заклучаться* и *состоять*, вводящими в проповеди формулировки различных авторских дефиниций этого понятия:

(21) <...> *любитель денегъ сказалъ бы, что **счастье** заключається въ обладаніи сокровищами.*

(22) <...> *пристрастные къ модамъ пожалуй бы признались, что **счастье** состоитъ въ томъ, чтобы прежде другихъ одгъться въ то или другое модное платье.*

Похожую функцию выполняет в тексте используемая часто автором конструкция *счастье в ...*, а также конструкции *счастье есть ...*, *счастье —* :

(23) <...> ***счастье** — въ тихой, удаленной отъ мірской суеты жизни среди подвиговъ молитвы, труда, созерцанія.*

(24) ***Счастье** есть существенная потребность каждаго человека.*

(25) *Истинное **счастье**, стремленіе къ которому такъ глубоко скрыто въ нашемъ сердцѣ, — непрерывное блаженство, которое одно можетъ успокоить духъ вашъ.*

По сравнению с сочетаемостью существительного *счастье* в современном русском языке [СССРЯ, 2002, с. 683], в анализируемой проповеди определения к данной лексеме немногочисленны. Их можно разделить по следующим квалифицирующим признакам:

— по соответствию эталону: *истинное* (13 словоупотреблений), *ложное*;

— по стабильности: *неизмѣнное*, *измѣнчивое*, *постоянное*.

— по времени: *новое* (2 словоупотребления);

— по объему: *полное*;

— по реальности / ирреальности: *призрачное*;

6.3.1. Отрицательные и положительные коннотации атрибутивных синтагм

Атрибутивные синтагмы, образованные с помощью вышеуказанных прилагательных, можно условно разделить на две группы, актуализирующие отрицательные и положительные коннотации. Автор проповеди использует их в контекстах, относящих реализации понятия «счастье» к его авторским дефинициям — светского счастья и религиозного счастья.

Первую группу составляют словосочетания с прилагательными *изменчивое*, *ложное*, *призрачное*. Они относятся к вербализациям понятия «счастье» в светском понимании, с их помощью усиливается эмоциональное влияние на адресатов, подчеркивается, что такое счастье является непостоянным (*изменчивое*), противным истине, неправдивым (*ложное*), мнимым, нереальным (*призрачное*):

(26) <...> при началъноваго года мы будемъ желать другъ другу не того ложнаго, призрачнаго, измѣнчиваго счастья, которое обѣщаетъ намъ суетный мѣръ.

Вторую группу составляют атрибутивные синтагмы с прилагательными истинное, неизменное, полное, постоянное. Данные определения связаны с авторской концепцией счастья в религиозном понимании и вызывают положительные ассоциации:

(27) <...> его полная радость и слѣдовательно, **истинное счастье** — въ общеніи съ Богомъ, въ живомъ союзѣ съ Источникомъ жизни и радости, съ Виновникомъ неизмѣннаго счастья, вѣчнаго блаженства.

(28) Но согласитесь, что **истинное и постоянное счастье** должно заключаться въ чемъ нибудь одномъ, подобно тому, какъ неизмѣнная, вѣчно-пребывающая истина едина.

(29) Чего ему не доставало для **полнаго счастья**?

Лексемы из данных групп (атрибуты светского счастья и религиозного счастья) автор использует как антонимические пары, чтобы подчеркнуть противостояние двух концепций.

6.3.2. Атрибут истинный

Самым частотным в проповеди (13 словоупотреблений) определением к существительному *счастье* является лексема *истинное*. В словарях это слово определяется как ‘истинный, истину составляющий; правдивый, справедливый, несомнѣнный, неложный; вѣрный, точный, прямой, подлинный, настоящий; искренний, непритворный’ [Даль, 1882, т. 2, с. 59], а также как ‘1. Праведный. 2. Действительный, настоящий, подлинный. 3. Справедливый. 4. Составляющий действительную цену чего-л. Правдивый, непритворный’ [СРЯ XI—XVII, т. 6, с. 320—321]. Данное прилагательное образовано от существительного *истина*.

По мнению Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, слова *правда* и *истина* обозначают два аспекта одного и того же общепhilosophического концепта: первое указывает на практическую сторону этого понятия, а второе — на теоретическую, другими словами, в какой-то степени истину знает только Бог. По их мнению, данные понятия противопоставлены по двум признакам: по принадлежности к Божественному или человеческому миру (носителю истины) и по соответствию действительности или соответствию правилам (источник истины). Исследователи подчеркивают также, что греческое *aletheia*, эквивалентом которого в памятниках письменности было существительное *истина*, обозначает соответствие закону, но понимаемому не как человеческий закон, а Закон Божий [Булыгина и др., 1997, с. 481]. В «Православной Энциклопедии под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла» подчеркивается, что, в соответствии с христианским

вероучением, высшая Истина — это Сам Бог [ПЭ]. Такое же соотношение понятий «истина» и «счастье» отражено в эпитафии анализируемого «Слова на Новый годь ...». Эпитафией в исследуемой проповеди служат слова из Псалтири — *Часть моя, Боже, во вѣкъ (Псал. 72, 26)*. Приведем всю строфу 26 из 72 Псалма: *Исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во век* [Псалтирь/а, 2019, с. 136]. Перевод на русский язык: *Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек*. [Псалтирь/б, 2017, с. 263]. Приведем еще несколько переводов: *Изнемогло сердце мое и тело мое, Боже, Властитель сердца моего; в Тебе, Боже, удел мой навеки!* [Псалтирь пророка и царя Давида]; *Изнемогло сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и Бог — моя доля вовек* [Псалтирь/в]. Как можно заметить, присутствие таких лексем, как *часть*, *доля*, *удел*, позволяет нам провести параллель с толкованием слова *счастье*, которое, по мнению М. Фасмера, происходит из праславянского языка, где лексема *счастье* имела форму **съčęstьje*, образованную от существительного *čęstь* ('часть') с помощью суффикса *-ьj(-ij-)* и приставки *съ-*, родственной древнеиндийскому *su-* ('хороший'). Первоначально существительное *счастье* обозначало 'хороший удел' ('хорошую часть, долю'), хотя могло выступать также в значении соучастия ('совместная доля', 'совместное участие', позднецерковнославянское *съчастьнь* 'причастный') [Фасмер, 1987, с. 816]. Исходя из этого, эпитафия выражает основную мысль проповеди: *Бог — счастье, судьба; счастье в Боге*.

Словосочетание *истинное счастье* является подтверждением основного закона сочетания слов, сводящегося к следующему: «чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему» [Гак, 1988, с. 279]. Как можно заметить, в религиозном дискурсе понятие счастья объясняется через отношение к Богу. На основе вышеприведенных аргументов можно утверждать, что истинное счастье в понимании автора проповеди относится к верхнему регистру.

6.3.3. Атрибуты счастливый, блаженный

Способом вербализации понятия «счастье» является также употребление лексемы *счастливый* (5 словоупотреблений). Прилагательное *счастливый* выступает в анализируемой проповеди в функции предиката в полных формах. Только в одном случае используется краткая форма прилагательного. Выбор кратких и полных форм прилагательных подчеркивает содержание понятия «счастье», предлагаемое автором: полная форма употребляется, чтобы подчеркнуть постоянный характер признака (соотношение со счастьем в религиозном понимании, то есть вечным, постоянным счастьем) в отличие от светского, преходящего счастья (полная

форма прилагательного обозначает черту, присущую явлению вне времени, краткая форма — одномоментное, разовое, временное качественное состояние):

(30) *Не къ тому ли все направляется, чтобы онъ былъ счастливъ?*

(31) *Жизнь человеческая въслѣдствіе открытій и усовершенствованій утратила ли свойственную ей горечь и стала ли для всѣхъ счастливою?*

(32) *<...> бѣдствующаго сдѣлать опять счастливѣмъ.*

Несмотря на то, что в исследуемой проповеди лексема *блаженство* используется как синоним истинного счастья (6 словоупотреблений), прилагательное *блаженный* не выступает в тексте в функции синонима лексемы *счастливый*.

По мнению Зализняк, «счастье однозначно принадлежит к “высокому” регистру и несет в себе очень сильный эмоциональный заряд» [Зализняк, 2005, с. 169], но анализ данной проповеди позволил нам сделать другие выводы.

7. Выводы

В исследуемом тексте автор представляет две концепции понятия «счастье», которые условно можно назвать светской и религиозной. В понимании проповедника светское счастье (близкое к толкованию *счастья* в философии) не имеет единой универсальной дефиниции, его толкование зависит от личных предпочтений (*въ удовлетвореніи грубыхъ пожеланій и склонностей; въ обладаніи сокровищами; наслажденіе удовольствіями, которыя представляются ему на общественныхъ гуляньяхъ, на вечерахъ, балахъ, въ театрѣ, въ собраніяхъ; въ томъ, чтобы прежде другихъ одѣться въ то или другое модное платье; въ образованіи; въ дѣланіи добра и въ соблюденіи законовъ правды; въ тихой, удаленной отъ мірской суеты жизни среди подвиговъ молитвы, труда, созерцанія*). Такое счастье определяется автором как ложное, призрачное, изменчивое и принадлежит к низкому регистру, потому что оно соотносится с нуждами тела (временного прибежища души). Этому противостоит концепция религиозного счастья, которое автор понимает как *счастіе въ Богѣ, истинное, постоянное, вѣчное блаженство* и, следовательно, относит его к высокому регистру (нужды бессмертной души). В религиозном дискурсе толкование *счастья* связано неразрывно только с Богом как обязательным условием его достижения, что подчеркивает в исследуемом тексте спектр специфических лексических средств. Анализируемый текст уникален среди образцов проповеди, его выделяет нетипичное для жанра слова обращение к светскому пониманию счастья в контексте оппозиции с религиозной концепцией. Своеобразие этого текста заключается также в том, что в нем высока ча-

стотность лексемы *счастье* и обнаруживается столь широкий спектр ее сочетаемости.

Источники и принятые сокращения

1. *Анастасий (Добрадин)*. Слово на Новый годъ. Въ чьемъ счастьеѣ челоѡвѣка и гдѣ его найти? [Электронный ресурс] / Анастасий (Добрадин) // Слова и рѣчи Анастасія, епископа Воронежскаго и Задонскаго. 1853—1893 годы. — Санкт-Петербург : Сводная типографія, 1894. — С. 8—5. — Режим доступа : http://slovo.russportal.ru/index.php?id=alphabet.a.anastasius03_002 (дата обращения 15.04.2021).

2. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типографія М. О. Вольфа, 1880—1882.

3. НКРЯ — Национальный корпус русскаго языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения — 05.06.2021).

4. ШПБЭС — *Полный Православный богословскій энциклопедическій словарь*. — Санкт-Петербург : Издательство П. П. Соикина, 1913. — Т. 1. — 1120 с.

5. ПЭ — *Православная Энциклопедія* под редакціей Патриарха Московскаго и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.pravenc.ru/> (дата обращения 18.04.2021).

6. Псалтирь/а — *Псалтирь*. Помощник и покровитель. — Свято-Успенская Почевская Лавра, 2019. — 318 с.

7. Псалтирь/б — *Псалтирь* с переводом на русскій язык. — Минск, Белорусская Православная Церковь : Arvato Bertelsmann, 2017. — 358 с.

8. Псалтирь/в — *Псалтирь* [Электронный ресурс] // Библиотека «Азбука веры». — Режим доступа : <https://azbyka.ru/bogoslužhenie/psalms/#ps72> (дата обращения 19.04.2021).

9. *Псалтирь пророка и царя Давида* [Электронный ресурс] / Перевод Е. Н. Бирукова, И. И. Бируков. — Режим доступа : https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogoslužhenie/psaltir-proroka-i-tsarja-davida-perevod-na-russkij-jazyk/ (дата обращения 20.04.2021).

10. *Срезневскій И. И. Материалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ : в 3 томахъ / И. И. Срезневскій*. — Санкт-Петербург : Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1893—1912. — Т. I : А—К. — 1893. — 771 с. — Т. II. — 1902 : Л—П. — 771 с. — Т. III : П—Я и дополненія. — 1912. — 996 с.

11. СРЯ XI—XVII — *Словарь русскаго языка XI—XVII вв.* / под редакціей В. Б. Крысько. — Москва : Наука ; Азбуковник, 2011.

12. СССРЯ — *Словарь сочетаемости слов русскаго языка* / под редакціей П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. — Москва : Русскій язык, 2002. — 588 с.

13. *Фасмер М.* Этимологическій словарь русскаго языка : в 4 т. 2-е изд., стер. / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1987. — Т. 3. — 831 с.

14. *ФС — Философскій словарь логики, психологіи, этики и исторіи философіи* / Э. Л. Радлов (ред.). — Санкт-Петербург : Типографія Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1911. — 284 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс : ценности, жанры, стратегии (на материале православнаго вероученія) / Е. В. Бобырева. — Волгоград : Перемена, 2007. — 375 с.

2. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс : ценности и жанры / Е. В. Бобырева // *Знание, понимание, умение*. — 2008. — № 1. — С. 162—167.

3. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с. — ISBN 5-88766-051-1.
4. Войтак М. Религиозный стиль в генологической перспективе / М. Войтак // Стереотипность и творчество в тексте : межвузовский сборник научных трудов / под ред. М. П. Которовой. — Пермь : Пермский государственный национально-исследовательский университет, 2003. — Выпуск 6. — С. 323—338.
5. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.
6. Воркачев С. Г. *Anglica selecta* : избранные работы по лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев. — Волгоград : Парадигма, 2012. — 205 с. — ISBN 978-5-903601-56-1.
7. Гадомский А. К. Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.
8. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Языковые преобразования. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. — С. 271—297. — ISBN 5-7859-0063-7.
9. Гусейнов А. А. Счастье / А. А. Гусейнов // Новая философская энциклопедия в 4 томах. В. С. Степин. (предс. научно-ред. совета). — Москва : Мысль, 2010. — Т. 3. — С. 686—688. — ISBN 978-2-244-01118-0.
10. Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий (Бильченко). Гомилетика. Теория церковной проповеди Учебник / Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий (Бильченко). — Сергиев Посад : Московская Духовная Академия, 1999. — 336 с. — ISBN 5-88056-011-2.
11. Зализняк А. А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.
12. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. — Москва : Языки славянской культуры, 2006. — 673 с. — ISBN 5-9551-0114-4.
13. Иванов Л. Ю. Проповедь / Л. Ю. Иванов // Культура русской речи : Энциклопедический словарь. Редакторы Л. Ю. Иванов, А. П. Сковородников, Е. Н. Ширяев. — Москва : Флинта, 2003. — С. 515. — ISBN 978-5-89349-389-4.
14. Игумен Тарасий (Ланге) Искусство церковной проповеди / Игумен Тарасий (Ланге). — Смоленск : СПДС, 2013. — 136 с. — ISBN 978-5-94223-798-1.
15. Ицкович Т. В. Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди / Т. В. Ицкович. — Екатеринбург : Ажур, 2015. — 150 с. — ISBN 978-5-91256-277-8.
16. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2006. — 619 с. — ISBN 978-5-85803-339-4.
17. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / В. В. Колесов. — Москва : Институт русской цивилизации, 2014. — 1111 с. — ISBN 978-5-4261-0136-4.
18. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — Москва : Наука, 1979. — 415 с.
19. Мечковская Н. Б. Язык и религия / Н. Б. Мечковская. — Москва : Наука, 1998. — 352 с. — ISBN 5-88641-097-X.

20. *Мурьянов М. Ф.* Что такое счастье? / М. Ф. Мурьянов // Русская речь. — 1999. — № 1. — С. 95—100.
21. *Пеньковский А. Б.* Радость и удовольствие в представлении русского языка / А. Б. Пеньковский // Логический анализ языка. Культурные концепты. Арутюнова Н. Д. (ред.). — Москва : Наука, 1991. — С. 148—155.
22. *Прохватилова О. А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О. А. Прохватилова. — Волгоград : ВолГУ, 1999. — 364 с. — ISBN 5-85534-264-6.
- 3 *Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека / В. Татаркевич. — Москва : Прогресс, 1981. — 368 с.
24. *Шмелёв А. Д.* Сквозные мотивы русской языковой картины мира / А. Д. Шмелёв, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 452—466. — ISBN 5-94457-104-7.
25. *Bajerowa I.* Swoistość języka religijnego i niektóre problemy jego skuteczności / I. Bajerowa // Łódzkie Studia Teologiczne. — 1994. — № 3. — Pp. 11—17.
26. *Kawecki W.* Komunikowanie szczęścia w sztuce Caravaggia / W. Kawecki // Kultura — Media — Teologia. — 2018. — № 35. — Pp. 105—123. — DOI: 10.21697/kmt.35.7/.
27. *Kłoczowski J. A.* Język, którym mówi człowiek religijny / J. A. Kłoczowski // Znak. — 1995. — № 487 (12). — Pp. 5—17.
28. *Korczak M.* Trudne szczęście Herosa / M. Korczak // Kultura — Media — Teologia. — 2018. — № 34. — Pp. 8—27.
29. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.
30. *Pokrywka M.* Szczęście w teologii / M. Pokrywka // Encyklopedia Katolicka / (ed.). E. Gigilewicz. — Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 2013. — Tom XIX. — Pp. 8—9.
31. *Tatarkiewicz W.* O szczęściu / W. Tatarkiewicz. — Warszawa : Wyd. Naukowe PWN, 2008. — 576 p. — ISBN 978-83-01-18094-2.
32. *Walczak-Mikołajczakowa M.* Słowotwórstwo agentywnych nazw osobowych w języku polskim, rosyjskim i bułgarskim / M. Walczak-Mikołajczakowa. — Poznań : Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2000. — 116 p.
33. *Wierzbicka A.* Mówienie o emocjach. Semantyka, kultura i poznanie / A. Wierzbicka // Język — umysł — kultura / (ed.). J. Bartmiński. — Warszawa : PWN, 1999. — Pp. 138—162.
34. *Wojtak M.* Czy można mówić o stylu człowieczej rozmowy z Panem Bogiem? / M. Wojtak // Człowiek — dzieło — sacrum / (ed.). S. Gajda, H. Sobeczko. — Opole : UO, 1999. — Pp. 309—319.
35. *Wojtak M.* Kulturowe uwikłania współczesnego dyskursu (stylu) religijnego — zarys problematyki / M. Wojtak // Stylistyka. — 2015. — № XXIV. — Pp. 55—74.
36. *Zdybicka Z.* Człowiek i religia. Zarys filozofii religii / Z. Zdybicka. — Lublin : RW KUL, 1984. — 491 p.

MATERIAL RESOURCES

- A complete Orthodox Theological encyclopedic dictionary, I.* (1913). St. Petersburg: P. P. Soykin Publishing House. 1120 c. (In Russ.).
- Anastasia (Dobradin). (1894). A word for the New Year. What is a happy person like and where do you find him? In: *Letters and letters of Anastasia, Bishop of Voronezh*

- and Zadonsk. 1853—1893 years*. Saint Petersburg: Snodnodal Printing House. 8—5. Available at: http://slovo.russportal.ru/index.php?id=alphabet.a.anastasius03_002 (data of the appeal 15.04.2021). (In Russ.).
- Dal, V. I. (1880—1882). *Explanatory dictionary of the Zhivago Great Russian language*. St. Petersburg. Printing House of M. O. Wolf. (In Russ.).
- Denisova, N. V., Morkovkin, N. V. (eds.). (2002). *Dictionary of compatibility of slow Russian*. Moscow: “Russian language”. 588 p. (In Russ.).
- Dictionary of the Russian language XI—XVII century*, 6. (1979). Moscow: Nauka. 360 p. (In Russ.).
- Dictionary of the Russian language XI—XVII century*, 29. (2011). Moscow: Nauka, Publishing Center “Asbukovnik”. 480 p. ISBN 978-5-905532-03-0. (In Russ.).
- Fasmer, M. (1987). *Etymological dictionary of the Russian language*, 4 (3). Moscow: Progress. 831 p. (In Russ.).
- NKRYa — (*Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 05.06.2021). (In Russ.).
- Orthodox Encyclopedia edited by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia*. Available at: <https://www.pravenc.ru/> (accessed 18.04.2021). (In Russ.).
- Philosophical Dictionary of Logic, psychology, ethics and history of philosophy*. (1911). St. Petersburg. Printing House of the Brockhaus-Efron Joint-Stock Company. 284 p. (In Russ.).
- Psalter of the Prophet and King David*. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogoslužhenie/psaltir-proroka-i-tsarja-davida-perevod-na-russkij-jazyk/ (accessed 20.04.2021). (In Russ.).
- Psalter/a — *Psalter. Assistant and patron*. (2019). Holy Dormition Pochaev Lavra. 318 p. (In Russ.).
- Psalter/b — *Psalter with translation into Russian*. (2017). Minsk, Belarusian Orthodox Church: Arvato Bertelsmann. 358 p. (In Russ.).
- Psalter/c — Psalter. In: *Library “Abc of Faith”*. Available at: <https://azbyka.ru/bogoslužhenie/psalms/#ps72> (accessed 04.19.2021). (In Russ.).

REFERENCES

- Abbot Tarasy (Lange). (2013). *The Art of Church Preaching*. Smolensk: SPDS. 136 p. ISBN 978-5-94223-798-1. (In Russ.).
- Bajerowa, I. (1994). Swoistość języka religijnego i niektóre problemy jego skuteczności. *Łódzkie Studia Teologiczne*, 3: 11—17. (In Pol.).
- Bishop of Polotsk and Glubokoe Theodosius (Bilchenko) Homiletics. (1999). *The theory of church preaching Textbook / Bishop of Polotsk and Glubokoe Theodosius (Bilchenko)*. Sergiev Posad: Moscow Theological Academy. 336 p. ISBN 5-88056-011-2. (In Russ.).
- Bobyreva, E. V. (2007). *Religious discourse: values, genres, strategies (based on the material of Orthodox doctrine)*. Volgograd: Peremena. 375 p. (In Russ.).
- Bobyreva, E. V. (2008). Religious discourse: values and genres. *Knowledge, understanding, skill, 1*: 162—167. (In Russ.).
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). *Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)*. Moscow: School “Languages of Russian Culture”. 576 p. ISBN 5-88766-051-1. (In Russ.).

- Gadomsky, A. K. (2018). Lexicographic description of terminology of theolinguistics (on the example of Russian and Polish languages). *Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 17 (1): 17—28. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1998). To the problem of semantic syntagmatics. In: *Language transformations*. Moscow: School “Languages of Russian Culture”. 271—297. ISBN 5-7859-0063-7. (In Russ.).
- Huseynov, A. A. (2010). Happiness. In: *New philosophical encyclopedia in 4 volumes*, 3. Moscow: Mysl. 686—688. ISBN 978-2-244-01118-0. (In Russ.).
- Itskovich, T. V. (2015). *Categorical-textual specifics of modern Orthodox preaching*. Yekaterinburg: Azhur. 150 p. ISBN 978-5-91256-277-8. (In Russ.).
- Ivanov, L. Y., Skovorodnikov, A. P., Shiryaev, E. N. (eds.). (2003). *Sermon. Culture of Russian speech: An Encyclopedic dictionary*. Moscow: Flint. P. 515. ISBN 978-5-89349-389-4. (In Russ.).
- Kawecki, W. (2018). Komunikowanie szczęścia w sztuce Caravaggia. *Kultura — Media — Teologia*, 35: 105—123. DOI: 10.21697/kmt.35.7/. (In Pol.).
- Kłoczowski, J. A. (1995). Język, którym mówi człowiek religijny. *Znak*, 487 (12): 5—17. (In Pol.).
- Kolesov, V. V. (2006). *Russian mentality in language and text*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 619 p. ISBN 978-5-85803-339-4. (In Russ.).
- Kolesov, V. V. (2014). *Ancient Russian civilization. Heritage in the word*. Moscow: Institute of Russian Civilization. 1111 p. ISBN 978-5-4261-0136-4. (In Russ.).
- Korczak, M. (2018). Trudne szczęście Herosa. *Kultura — Media — Teologia*, 34: 8—27. (In Pol.).
- Likhachev, D. S. (1979). *Poetics of Ancient Russian literature*. Moscow: Nauka. 415 p. (In Russ.).
- Makuchowska, M. (2011). *Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego*. Opole: UO. 496 p. ISBN 978-83-7395-431-1. (In Pol.).
- Mechkovskaya, N. B. (1998). *Language and religion*. Moscow: Nauka. 352 p. ISBN 5-88641-097-H. (In Russ.).
- Muryanov, M. F. (1999). What is happiness? *Russian speech*, 1: 95—100. (In Russ.).
- Penkovsky, A. B. (1991). Joy and pleasure in the representation of the Russian language. In: *Logical analysis of language. Cultural concepts*. Moscow: Nauka. 148—155. (In Russ.).
- Pokrywka, M., Gigilewicz, E. (ed.). (2013). Szczęście w teologii. In: *Encyklopedia Katolicka, XIX*. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL. 8—9. (In Pol.).
- Prokhvatilova, O. A. (1999). *Orthodox preaching and prayer as a phenomenon of modern sounding speech*. Volgograd: Volga. 364 p. ISBN 5-85534-264-6. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2005). Through motives of the Russian language picture of the world. In: *Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 452—466. ISBN 5-94457-104-7. (In Russ.).
- Sreznevsky, I. I. (1893—1912) *Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments*: in 3 volumes. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
- Tatarkevich, V. (1981). *About happiness and human perfection*. Moscow: Progress. 368 p. (In Russ.).
- Tatarkiewicz, W. (2008). *O szczęściu*. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN. 576 p. ISBN 978-83-01-18094-2. (In Pol.).

- Vorkachev, S. G. (2004). *Happiness as a linguocultural concept*. Moscow: ITDGC “Gnosis”. 192 p. ISBN 5-94244-002-6. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2012). *Anglica selecta: selected works on linguoconceptology*. Volgograd: Paradigm. 205 p. ISBN 978-5-903601-56-1. (In Russ.).
- Voytak, M., Kotyurova, M. P. (ed.). (2003). Religious style in genological perspective. In: *Stereotyping and creativity in the text: interuniversity collection of scientific papers, 6*. Perm: Perm State National Research University. 323—338. (In Russ.).
- Walczak-Mikołajczakowa, M. (2000). *Słowotwórstwo agentywnych nazw osobowych w języku polskim, rosyjskim i bułgarskim*. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. 116 p. (In Pol.).
- Wierzbička, A., Bartmiński, J. (ed.). (1999). Mówienie o emocjach. Semantyka, kultura i poznanie. In: *Język — umysł — kultura*. Warszawa: PWN. 138—162. (In Pol.).
- Wojtak, M. (2015). Kulturowe uwikłania współczesnego dyskursu (stylu) religijnego — zarys problematyki. *Stylistyka, XXIV*: 55—74. (In Pol.).
- Wojtak, M., Gajda, S., Sobeczko, H. (eds.). (1999). Czy można mówić o stylu człowieczej rozmowy z Panem Bogiem? In: *Człowiek — dzieło — sacrum*. Opole: UO. 309—319. (In Pol.).
- Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). Happiness and pleasure in the Russian language picture of the world. In: *Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 153—174. ISBN 5-94457-104-7. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2006). *Polysemy in language and ways of its representation*. Moscow: Languages of Slavic culture. 673 p. ISBN 5-9551-0114-4. (In Russ.).
- Zdybicka, Z. (1984). *Człowiek i religia. Zarys filozofii religii*. Lublin: RW KUL. 491 p. (In Pol.).